

Н. В. ПОНЫРКО

Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе

В литературе уже не однажды встречалось упоминание старообрядческого жития Епифания.¹ Однако до сих пор этим дело и ограничивалось. Нам представляется, что это Житие может быть интересно в нескольких планах. Во-первых, оно дает целую серию фактов, неизвестных нам по автобиографии Епифания. В любом случае, имеют ли они в основе документированный материал или отражают лишь старообрядческую традицию, факты эти важны, ибо добавляют нечто новое либо к облику писателя, либо к трактовке этого облика в среде его духовных преемников. Во-вторых, изучение старообрядческой редакции Жития Епифания в сравнении с автобиографией, а также житиями XVII в. может дать материал о развитии литературной традиции в старообрядческой среде от XVII к XVIII в. Кроме того, Житие Епифания, взятое в комплексе с другим, возникшим одновременно, Житием Кирилла, дает возможность проследить некоторые особенности становления житийного жанра в среде поморских писателей, поскольку оно принадлежит Выго-Лексинскому литературному центру. Старообрядческое Житие Епифания было тесно связано с Житием старца Кирилла; оба жития образовали единый житийный цикл.

В предлагаемой работе нас в первую очередь занимают вопросы авторства, истории создания и датировки этого цикла.

Житие Епифания построено по традиционной житийной схеме.

Оно имеет пространное, риторически украшенное вступление и заключение. В описании жизни Епифания до прихода его в Москву Житие идет за первой частью автобиографии. Однако уже в эту часть повествования вклинивается значительный фрагмент, не связанный с автобиографией, — это описание «новин», последовавших за вступлением Никона на патриарший престол. Неизвестны по автобиографии и пророчества Епифания старцу Кириллу и двум гостям некоего «христороубца» Тимофея Трифонова, в доме которого, как сообщает Житие, Епифанию доводилось часто бывать.

Среди многих новых по сравнению с автобиографией Епифания моментов Житие имеет один — особенно важный. Это якобы цитата из

¹ См.: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898, стр. ХСІ; А. Н. Робинсон. Жизнеописания Авакума и Епифания. М., 1963, стр. 116 (далее: Робинсон. Жизнеописания).

челобитной Епифания царю, читанной им на Москве. Повествуя о том, как Епифаний «книги, написанные на Суны-реке», «пред соборною церковью во время праздника при собрании множества народа сам нача чести всем людям вслух» и «подаде челобитную на Никона», автор Жития пишет: «Царь же, приняв челобитную, и прочте ю всю, и разгневался на старца о едином слове, написанном в челобитной: „О царю, веру свою христианскую в России проклятым Никоном потерял еси, а ныне ищещи веры по чужим землям, аки лев рыщещи“». ²

Что это, цитата из подлинной челобитной Епифания или поздняя интерполяция? У нас нет пока достаточных оснований, чтобы отклонить одно из этих предположений. Но есть возможность для догадки.

Все Житие проникнуто лояльным по отношению к царской власти духом. Это сугубо выговская позиция, идущая скорее от редактора, чем от первоначального автора. И проявляется она на всем протяжении Жития, начиная от реверансов «скипетродержавному» Алексею Михайловичу, которого автор путем всяческих оговорок о «лести новолюбителей» и Никона выгораживает от ответственности за расправу с Епифанием, и кончая прямыми панегириками Петру I, когда в непосредственную зависимость от политики царя ставится процветание Выговской пустыни.

В этой связи цитата из челобитной звучит некоторым диссонансом. Поэтому можно предположить, что, не будь это подлинный документ, он не уцелел бы в тексте.

Описание обеих «казней» Епифания в Житии параллельно тексту главы из «Винограда Российского» Семена Денисова. Завершается основная часть главой «О кончине блаженного Епифания», встречающейся иногда отдельно в старообрядческих сборниках и опубликованной Я. Л. Барсковым. ³

Если мы обратимся к перечню известных нам списков старообрядческого Жития Епифания, то увидим, что в рукописной традиции оно сопровождается Житием Кирилла Сунарецкого.

1. БАН, собр. Дружинина, № 999, перв. пол. XVIII в., лл. 1—70 — Житие Кирилла, лл. 71—120 об. — Житие Епифания.

2. БАН, собр. Дружинина, № 7, кон. XVIII в., лл. 4—65 — Житие Епифания, лл. 66—81 — Житие Кирилла.

3. ГПБ, Q.I.1062, Сборник выговских житий, перв. четв. XIX в., лл. 57—157 об. — Житие Кирилла, лл. 158—217 — Житие Епифания.

4. ГБЛ, собр. Егорова, № 1137, втор. пол. XVIII в., лл. 302—349 — Житие Кирилла, лл. 350—389 — Житие Епифания.

5. ГБЛ, собр. Егорова, № 1966, втор. пол. XVIII в., лл. 1—71 — Житие Кирилла, лл. 72—141 об. — Житие Епифания.

6. ГБЛ, собр. Егорова, № 1968, перв. четв. XIX в., лл. 59 об.—72 — Житие Кирилла, лл. 73—125 — Житие Епифания.

Существовало еще два сборника, каждый из которых включал Житие Кирилла и следующее за ним Житие Епифания. Один из них принадлежал В. Г. Дружинину и числился в его частном собрании под № 18. Обнаружить его в собрании, хранящемся ныне в БАН, не удалось. Другой описан Н. Н. Петровым среди рукописных собраний Киева. ⁴

Кроме этого, сейчас нам известен один список Жития Епифания, не сопровождающийся Житием Кирилла (ИРЛИ, Древлехранилище, Усть-Цилемское собр., № 24, сборник нач. XIX в., лл. 55—126 об. — Житие

² БАН, собр. Дружинина, № 999, л. 105 об.

³ Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, стр. 392—393.

⁴ В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, стр. 169, 180.

Епифания, без вступления), и один совсем небольшой фрагмент из Жития Епифания в сборнике ГПБ, О.XVII.48, перв. пол. XIX в., лл. 154 об.—156.

Близость текстов житий Кирилла и Епифания была отмечена еще П. С. Смирновым.⁵ Однако он ограничился лишь констатацией того факта, что сведения, находящиеся в Житии Епифания, «частию вошли в Житие инока Кирилла».

Действительно, тексты обоих житий имеют много параллельных мест. Это, во-первых, обширные сюжеты, восходящие к автобиографии Епифания: история о смерти зятя Кирилла — Иоанна, повествования о жизни Епифания в Кирилловой пустыни, о борьбе его с бесами; и, во-вторых, сюжеты, связанные с общими для ряда старообрядческих произведений антиниконовскими темами: глава о Никоновых «новинах», о соборе патриарха Никона, о Макарии, митрополите новгородском, и о митрополите Питириме.

Подобная близость текстов может объясняться двоякого рода причинами: либо одно житие было создано на основе другого, либо оба памятника имеют общий источник.

Попытаемся доказать последнее.

В предисловии Житие Кирилла содержит ценный материал к своей собственной творческой истории. К пространному, риторически украшенному вступлению, в котором сочетается этикетная формула о необходимости написать житие с традиционным самоуничижением автора, присоединяется, довольно неумело, текст, излагающий историю создания Жития: «И после старца Кирилла сходу с монастыря Кириловой пустыни... бых аз, недостойный, во оном монастыре при присланном игумене с великаго Нова-града Ефреме и при оставшихся от онаго Кирилла старцах, во оной обители живущих, Иакове Лукичеве с товарищи... И беседовах со оставшими старцами и совопрошах их о старце Кириле и о житии его. Они же мне со слезами начаша сказати, поминающе онаго старца учение и житие, и труды его, и подвиги, и з бесы борение, и показующе и келию его и прочих иноков, соловецких выходцев, Епифания и Варлаама, где оной Варлаам и погребен, како они пожиша преже монастыря пустынным житием. И аз видех и смотрех прилежно, еще ми в юном возрасте, почюдихся и прославих бога. И после того, в сей пустыни живущу ми, поминах. Видех онаго старца в земли погребена и воспалихся к нему желанием. И начах поминати онаго старца, где когда что слышах. И писах на малые бумашки, что когда спомню. И помышлях, когда бы сие собрати во едину тетрадку, но сумняхся. И по времени видех книжицу малую писания руки дивнаго отца Соловецкия обители и за благочестие пострадавшаго, и чуднаго во исповедании о благочестии, и храбраго во страдании, в Пустозерском остроге с прочими страдальцы, протопоном Аввакумом и с прочими, скончавшагося инока Епифания, како с ним поживе, вышед из Соловецкой обители, в пустыни на Суны-реке. И от многих иных достоверных мужей слышав, како той старец Кирил в той пустыни поживе пустынным жестоким житием, и како ту обитель согради, и церковь воздвиже святых живоначальных Троицы, и како братию собра, и како ревнуя по благочестии, и како избеже из своей обители от гонителей, и како забеже в сию в Выгорецкую пустыню, и како поживе ту и скончася о господе. И начах собрати вся письмена вкупе. Но писано все не вдруг и не порядочно, первое после, а послед-

⁵ П. С. Смирнов. Внутренние вопросы... стр. ХСІ.

нее перво. И начах совокупляти во едино и розбирати по статиям. И написах в трех тетратех самую простую речию. И начах о сем помышляти, како сие в люди показати. Но помыслих отдать начисто переписать и приукрасити речи пристойнее. И молих, и нудих некотораго христороубца. Он же приим мое моление и преписа, а овые речи и приукраси, токмо еще вчерня, и отдаст мне, недостойному, пересмотрети. Аз же приях от его любезно, и рассмотрих, и прочтох, и иныя статии пространих, а иныя смалих. И написах в славу святых живоначальных Троицы, Отца и Сына и Святаго духа, ныне и присно и во веки веком. Аминь. Но о сем прошу прощения смотривших, и читавших, и всех христороубцев продолжения предисловию»⁶ (разрядка моя, — Н. П.).

Здесь очень четко выделяются этапы работы над текстом Жития и его источники: от «малой книжицы» инока Епифания и воспоминаний очевидцев о нем к беспорядочным запискам первоначального автора, затем работа редактора над «приукрашиванием» Жития и после этого еще одна редактура, сделанная снова начальным автором.

Таким образом, Житие Кирилла состоит из двух пластов текста. Один принадлежит первоначальному автору, другой — редактору, «приукрасившему» его «речи».

Легче всего эти пласты разделяются во вступлении. Прочитированное выше «продолжение предисловию» довольно механически присоединяется к совершенно законченному по форме вступлению. И поскольку механически соединяемые части к тому же разнородны по стилю, то разделение авторов в данном случае не составляет труда.

Нам в данном случае важен тот факт, что существовали какие-то черновые записки к Житию Кирилла, автор которых имел в качестве источника устные сведения не только об отце Кирилле, но и о «соловецких выходцах» Варлааме и Епифании и знал «книжицу малую писания руки» Епифания. Заметим также, что автор записок хорошо был знаком с Кирилловой пустыней вскоре после того, как инок Кирилл покинул ее.

Если мы теперь обратимся к предисловию Жития Епифания, то прочтем: «Но еще ми в мире живущу слышах от многих достоверных боголюбивых мужей, которий с ним, отцем Епифанием, часто многожды в духовне беседовали и научалися от оного отца Епифания, как он жил в пустыни на Суне-реце, и от его неложных блаженных уст сами слышаху и мне, недостойному, поведаху. И аз, недостойный, на малыи бумашки для памяти писах и держак у себе.

«Но и в пустыни сей живущу ми видех книжицу малую, в ней же написано житие и страдание за древнее благочестие дивнаго во отцех и чуднаго во страдании протопопа Аввакума... И в той книжице видех написано отчасти житие сего блаженнаго Епифания его рукою по молению некоего христороубца, а понуждением и благословением протопопа Аввакума».⁷

Мы беремся утверждать, что оба жития принадлежат к единому авторскому циклу. Для этого прежде всего надо доказать, что первоначальные черновые записки были общими для житий Кирилла и Епифания и сведения, излагаемые в Житии Епифания, не почерпнуты просто из Жития Кирилла (или наоборот).

Действительно, как уже говорилось, и в том и в другом житии, в той части, которая касается совместной жизни Кирилла и Епифания, много взаимно перекрещивающихся сюжетов, тексты которых часто полностью

⁶ БАН, собр. Дружинина, № 999, лл. 4 об.—6.

⁷ Там же, лл. 75 об.—76.

совпадают: о зяте Кирилла Иоанне, о борении Епифания с бесами, о явлении богородицы Епифанию, о предречении Епифанием Кириллу судьбы монастыря. Тексты обоих житий, связанные с этими сюжетами, повторяют друг друга с очень небольшими отклонениями.

Житие Кирилла

Той же, егда сия услыша и яко прорлив сый, глагола ему: «Брате Кириле, бог да наставит тя на истину свою. А еже церкви строити и монастыри возградити не нынешняго времени есть дело, понеже настоят мира сего князь, и поставленные прежде сего церкви заустети имут.

«Ныне убо время приближается плача, а не благодушия. Аще бо и воздвигнеша церковь, и монастырь возградиши, и братию собереша, но недолго имаши жити zde. Придет бо ти время, яко не слышати о сем месте восхоцещи.

И того ради молю тя, пребуди, опасаяся новин, да спасеши свою душу.

«Прочее же, яко же господь да наставит тя, тако и твори.

«Мене же прощению сподоби».⁸

Но есть эпизоды, которые свойственны только одному из житий и не встречаются в другом. Для Жития Епифания — это рассказ о нашествии муравьев и сюжеты, связанные с именем «христолюбца» Тимофея Трифонова, для Жития Кирилла — подробное повествование о старце Варлааме и сюжеты, связанные с именем Иоанна, внука Кирилла. Если предположить, что автор Жития Епифания почерпнул все свои сведения из Жития Кирилла, тогда история с муравьями не должна была проникнуть в текст, поскольку в Житии Кирилла она отсутствует. Если же считать, наоборот, что источником Жития Кирилла было Житие Епифания, становится непонятным, откуда появилась в нем глава о старце Варлааме, ибо в Житии Епифания Варлаам только упоминается, но никаких сведений о нем нет.

Но стоит только вспомнить, что существовали черновые записки автора, знакомого с автобиографией Епифания и собиравшего сведения в Кирилловой пустыни не только об иноке Кирилле, но и об Епифании и Варлааме, как появляется возможность объяснить эти обстоятельства существованием единого источника, из которого автор черпал с большей или меньшей полнотой в зависимости от того, кто был в центре повествования — Кирилл или Епифаний. В этой связи очень показательны взаимные отсылки обоих житий. В Житии Кирилла повествование о Епифании прерывается следующей фразой: «...о нем же (о Епифании, — Н. П.) пространую повесть оставляю, ныне же о блаженном Варлааме восприемлю слово».¹⁰ А Житие Епифания, описывая борьбу Кирилла с бесами, говорит: «Оставляю сию повесть, есть бо в житии Кириловом».¹¹

⁸ Там же, л. 27—27 об.

⁹ Там же, л. 97.

¹⁰ Там же, л. 37.

¹¹ Там же, л. 96 об.

Житие Епифания

Той же, егда сия слыша и яко прорлив сый, пророчески глагола ему: «Брате Кириле, бог да наставит на истину свою. А еже церкви строити, и монастыри возградити, и братию собирать не нынешняго времени есть дело, понеже настоят мира сего князь, и поставленные прежде сего церкви и монастыри заустети имут...

«Ныне время убо приближися плача, а не благодушия. Аще бо и воздвигнеша церковь, и монастырь соградиши, и братию собереша, но недолго имаши жити zde. Придет бо ти время, яко ни слышати о месте сем восхоцещи...

«И того ради молю тя, отче Кириле, спасайся, да спасеши свою душу.

«Прочее же, яко же господь наставит тя, тако и твори.

«Мене же... прощению сподоби».⁹

Отдельные абзацы могут быть поняты с достаточной полнотой, только если учитывать контекст обоих житий. Так, например, в Житии Епифания читаем: «Егда Кирил возвести мысль свою отцу Епифанию о создании монастыря, и о собрании братии, и о данной ему грамоте от святителя, и о поставлении церкви, и о прочих...».¹² Если не иметь в виду Жития Кирилла, то фраза эта производит впечатление ипородной и непонятной, поскольку ни до, ни после нее ничего не говорится о том, что это за монастырь и о какой грамоте идет речь. Но если мы вспомним, что в Житии Кирилла подробно излагается план старца создать свою обитель и рассказывается о том, каким образом он получает разрешение — грамоту на строительство монастыря, тогда смысл фразы из Жития Епифания проясняется.¹³

Итак, существовал единый Кирилло-Епифаниевский цикл, который восходил к тексту одного начального автора.

Нам известно, что черновые записки подверглись в дальнейшем обработке редактора. Как мы уже знаем, в Житии Кирилла об этом говорится прямо в предисловии, где два авторских пласта легко различаются.

В Житии Епифания нет прямого указания на совместную работу автора и редактора, но предисловие к нему дает аналогичный Житию Кирилла вариант сочетания двух видов текстов. Сначала идет риторическое традиционное вступление, заключает его цитированный выше текст об источниках, в конце которого автор его, так же как и в Житии Кирилла, проговаривается о том, что этим своим текстом он продолжает предисловие: «Но молю, о благочестивии послушатели и читатели, не зарите грубости моей и просторечию и продолжения предисловия».¹⁴ Сложнее обстоит дело с текстом основной части, претерпевшим тройную обработку (автор — редактор — автор). Здесь почти невозможно разделение разных авторских линий.

Обнаруживается сходство и между риторическими частями вступлений обоих житий.

Житие Кирилла

Но обаче молимся всемилостивому всеильному богу и пречистой его матери, пресвятей Богородицы, яко да вразумит... да подаст слово мне во отвержение уст моих, не моего ради недостойнства, но молитв ради такового старца. И самого того призываю Кирила на помощь и соосеняющую его благодать духовную, яко да поспешник ми будет и слову пособник.

Не похвалы ради старца сия дерзних писати, но себе на утешение и умиление души своея и читающим и слушающим на пользу.

Аще бо мужа свята житие списано будет, то от того польза велика есть и

Житие Епифания

Но обаче молимся всемилостивому и всеильному богу и пречистой его богоматери, пресвятей Богородицы, яко да вразумит... и подаст слово мне во отвержение уст моих, не моего ради недостойнства, но молитв ради такового... старца. И самого того отца Епифания призываю на помощь и соосеняющую его благодать духовную, яко да поспешник ми будет и слову пособник.

Не похвалы ради старца сия дерзних писати, но себе на утешение и умиление души своея и читающим и слушающим на пользу.

Аще бо мужа свята житие писано будет, то от того польза велика есть

¹² Там же, лл. 96 об.—97.

¹³ Можно, конечно, предположить, что на какой-то из ранних стадий создания Жития Епифания в нем существовал текст, предвещающий это темное место и объясняющий его. Но поскольку в самом раннем из известных нам списков житий Кирилла и Епифания, являющемся авторским списком и отражающем последний этап работы над текстом (об этом см. ниже), этого места уже нет, то можно сказать во всяком случае, что последний этап авторской работы был общим для обоих житий, когда они уже воспринимались как единый цикл.

¹⁴ БАН, собр. Дружинина, № 999, л. 76.

утешение вкупе писателем, и сказителем, и послушателем. И сие кто слышал, негли и поревнует вслед жития его ходити, и от сего примет пользу.¹⁵

и утешение вкупе писателем, и сказителем, и послушателем. И сие слышавши, негли кто и поревнует вслед жития его ходити, и от сего примет пользу.¹⁶

Далее текстуальное сходство отмечается в части, посвященной описанию возникновения Никоновых «новин». В Житии Кирилла это главы: «О являвшихся по всей России новинах», «О соборе Никона-патриарха», «О Макарии, митрополите новгородском». В Житии Епифания тот же самый текст вмещают две главы: «О поставлении Никона патриархом», «О соборици Никона-патриарха».¹⁷

Наконец, текстуальное сходство обнаруживается и в послесловиях обоих житий. Оба они чрезвычайно пространны и разнородны, включают в себя воспоминания о гонениях на старообрядцев в прежние времена, панегирик Петру I, во время правления которого старообрядцам якобы «случился некий отдох прияти», похвалу наставникам Выговской пустыни и в заключение — молитвенное обращение к святому и умершим наставникам. Ограничимся здесь одним примером.

Житие Кирилла

Тогда, самодержавствуя над всею Россиею, Великий Петр возведе, яко орел, разсмотрительное свое царское око на всероссийское лице. От его же самодержавнаго правосудия побежа клевета далече и ложь позна путь в безвестие отити. Ибо во время царствия его лице сильных страхом покрывашеся, обидницы же, яко класове, мечем пожинахуся. Таковых ради его грозных законов не смеюще безвременно обижати един другаго.

Елма убо правосудию Петрову во всей России храбрость свою показующу, случися и гонительным за древнецерковныя законы некий отдох прияти.¹⁸

Снова перед нами встает вопрос, чем объясняется это сходство текстов. Тем ли, что их редактором было одно лицо, или простой зависимостью одного текста от другого?

Здесь уже наш ответ не был бы столь четким, как в части, касающейся первичного пласта, если бы не сквозная редакторская правка, сделанная одним почерком, которая проходит в авторском сборнике по обоим житиям. Правка сделана то с помощью вставок над строкой, то

Житие Епифания

Тогда, самодержавствуя над всею Россиею, Великий Петр возведе, яко орел, разсмотрительное свое царское око на все свое российское державство. От его же самодержавнаго правосудия побеже клевета далече и ложь позна путь безвестия. Ибо во время царствия его лице сильных страхом покрывашеся, обидницы же, яко класове, мечем пожинахуся. Таковых ради его грозных... законов не смеюще безвременно обижати един другаго.

Елма убо правосудию Петрову во всей России храбрость свою показующа... случися и гонительным за древнецерковныя законы некий отдох прияти.¹⁹

¹⁵ Там же, л. 2 об.—3.

¹⁶ Там же, л. 74 об.—75.

¹⁷ Оба жития содержат фрагменты, параллельные «Винограду Российскому» и «Истории об отцах и страдальцах соловецких». Однако, поскольку вопрос о происхождении, соотношении, характере использования некоторых «бродячих» текстуальных фрагментов (в данном случае именно о таких идет речь) в выговской литературе может быть решен только после тщательного изучения творческой истории всех текстов, использующих эти отрывки, то в этой работе мы его касаться не будем. Здесь мы только констатируем факт текстовой параллели между житиями Кирилла и Епифания.

¹⁸ БАН, собр. Дружинина, № 999, л. 62—62 об.

¹⁹ Там же, л. 113.

по затертому тексту, то на чистых полосках бумаги, заклеивающих нижний текст. Это по крайней мере означает, что на последнем, завершающем, этапе оба жития имели одного редактора.

* * *

Сборник № 999 из собрания В. Г. Дружинина, содержащий жития Кирилла и Епифания, мы вслед за В. Г. Дружининым²⁰ считаем авторским.²¹

Это можно заключить из характера обширнейшей правки текста и из того, что остальные списки житий восходят к правленному тексту этого сборника и повторяют все, даже самые мелкие его исправления. Палеографический материал также подтверждает эту мысль: бумага сборника относится к 30-м годам XVIII столетия, что прекрасно совпадает с датой возникновения Кирилло-Епифаниевского цикла (об этом будет сказано позже).

Сборник написан скорописью нескольких почерков. Очевидно, это писарские почерки.

Основная же правка сделана двумя разными почерками, будем называть их почерком № 1 и почерком № 2. Почерку № 1 принадлежит правка на лл. 11 об., 13 об., 68 об. и 70. Почерку № 2 — правка на лл. 16, 47—48 об., 61, 77 об., 85, 104, 109 об.

Отождествить почерк № 1 с каким-либо из известных нам старообрядческих автографов не удалось. Что же касается почерка № 2, то он был идентифицирован с почерком Ивана Филиппова еще В. Г. Дружининым.²²

Однако, поскольку отождествление почерка Ивана Филиппова, убедительное на наш взгляд, было сделано В. Г. Дружининым всего лишь по подписи, состоящей из четырех слов (что не может быть вполне достаточным), необходимы дополнительные доказательства в пользу участия Ивана Филиппова в создании житий как на стадии, уже зафиксированной писарским почерком сборника № 999, так и на стадии правки текста этого сборника.

Оба жития содержат в себе несколько параллельных фрагментов, текстуально близких к фрагментам из «Истории Выговской пустыни». Это главы, посвященные Никону и его нововведениям, и описания преследований старообрядцев; эти же мотивы возникают вновь в послесловиях житий. В «Истории Выговской пустыни» им соответствуют тексты из второй вводной главы, включающей в себя описание тех же самых событий.

²⁰ В. Г. Дружинин. Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915, стр. 10.

²¹ БАН, собр. Дружинина, № 999, 4°, 137 лл. Скоропись и полуустав разных почерков; переплет: доски, обтянутые кожей с застежками. Филигрны: литеры РФ (лигатура с орнаментом в картуше) и АГК (АГ — лигатура), К — Клепиков, № 479 (1733 г.); Литеры — Комердь — Клепиков, № 309 (1738 г., 1746 г.); Pro Patria с литерами GR под короной — Клепиков, № 1262 (173... г.). Содержание: 1—70 — «Житие и подвиги блаженного инока Кирила, первого выгорецкого пустынножителя, создавшего прежде обитель при реке Суне на острове Виданском во Олонецких пределах»; лл. 71—120 — «Житие и подвиги чудного отца инока Епифания, которой скончался по благочестии в Пустозерском городке с чудными страданиями протопопом Аввакумом, и священником Лазарем, и дьяконом Феодором»; лл. 122—127 об. — начала и заглавия нет, начало: «...добродетелей, яко же молва и парение мысли ниж болши всякаго деяния»; лл. 128—137 об. — слово на текст: «Уста моя возглаголют премудрость и поучение сердца моего разум. Псалом 48», начало: «Светлая и всечестная память настоят днесь всемирного учителя, всесладчайшаго покаяния проповедника, Иоанна, поистинне Златоустаго».

²² В. Г. Дружинин. Несколько автографов..., стр. 10.

Житие Кирилла

Трисоставный крест от олтаря и от просфѳоромисания изгна. В того же место от Запада принесенный двочастный постави. Двоперстное сложение, творимое на знамение креста, от десницы православнаго российскаго собора отсече. В того же место треперстное сложение, всем сумнительное, даде. Христоподобное двема персты благословение от святительския руки отрину. Небывалое же пятью перстами сложение на всероссийское народа чело воздвиже. Седмопросфирное служение зазрением обложки. Пятипросфирное же в того место дерзостно устави. Пресладкое Христа, спасителя нашего, нареченное аггелом имя Исус Иисусом преименова. И за сугубое аллилуиа трегубти повеле. И в церковных чинодействиях против солнца вращатися приказа.²³

Житие Епифаня

Трисоставный крест, на нем же господь наш Исус Христос кровь свою честную излия, от олтаря и от просфѳиромисания отстави, в того же место от Запада принесенный двочастный постави. Двоперстное сложение, творимое на знамение креста, от десницы православнаго российскаго собора отсече, в того же место треперстное и всем сумнительное сложение даде. Христоподобное двема персты благословение от святительския руки отрину, небывалое пятью перстами сложение на всероссийское народа чело воздвиже. Седмопросфирное служение зазрением обложки, пятипросфирное же в того место дерзостно устави. Пресладкое Христа, спасителя нашего, нареченное аггелом имя Исус Христос Иисусом преименова. И сугубое аллилуиа трегубити повеле. И в церковных чинодействиях против солнца вращатся приказа.²⁴

История Выговской пустыни Ивана Филиппова

Трисоставный крест, на нем же господь наш Исус Христос кровь свою честную излия за весь мир, от олтаря и от просфѳиромисания отложи. В того же место двочастный быти устави. Двоперстное сложение, творимое на знамение креста, от десницы православнаго российскаго народа отсече, в того же место триперстное и всем сумнительное даде. Христоподобное двема персты благословение от святительския руки отрину, небывалое в того место пятиперстное сложение на всероссийское народа чело воздвиже. Седмопросфирное служение зазрением обложки, пятипросфирное же в того место дерзостно устави. Пресладкое Христа, спасителя нашего, ангелом нареченное имя Исус Иисусом преименова, и сугубое аллилуиа трегубити повеле, и в церковных чинодействиях против солнца вращатся приказа.²⁵

Обращает на себя внимание наличие какой-то связи автора с г. Олонцом. Иногда повествование ведется не столько с позиций жителя Выговской пустыни, сколько с позиций олончанина. Часто употребляется такой оборот, как «наш Олонецкий город».²⁶ При этом любопытно, что такое подчеркивание олонецкой линии обнаруживается как раз во фрагментах, восходящих к «Истории Выговской пустыни». А нам известно, что до принятия должности настоятеля Иван Филиппов был выговским стряпчим в Олонце и имел там свой постоянный двор,²⁷ т. е. был одновременно свя-

²³ БАН, собр. Дружинина, № 999, лл. 40 об.—41.

²⁴ Там же, л. 81 об.

²⁵ История Выговской пустыни. СПб., 1862, стр. 21.

²⁶ БАН, собр. Дружинина, № 999, лл. 62, 113.

²⁷ История Выговской пустыни, стр. 217.

зан и с Выгом, и с Олонцом, что можно сказать и об авторе житий. Все это делает еще более вероятным участие Ивана Филиппова в работе над житиями.

Можно предположить, что Иван Филиппов и был тем самым «христолюбцем», которому первый автор предоставил свои записки «на украшение».

В связи со всем вышесказанным можно предположить следующие этапы работы над текстом житий: 1) существовали черновые записки, восходящие к автобиографии Епифания²⁸ и устным сведениям о Кирилле, Епифании и Варлааме; 2) автор этих записок на их основе создает «три тетрадки» Жития Кирилла и Житие Епифания; 3) следующим этапом была обработка этого материала редактором, в котором мы предполагаем Ивана Филиппова; 4) затем жития вернулись снова к первому автору, внесшему в них свою дополнительную редактуру; 5) и уже после этого была внесена последняя сверхдополнительная и сквозная для обоих житий правка, сделанная почерком № 1 и рукой Ивана Филиппова. Именно этот последний этап и отражает рукопись из собрания Дружинина, № 999.

Оба вступления, где так явно сочетаются авторский и редакторский тексты, писаны уже одной (очевидно, писарской) рукой, и, следовательно, здесь уже позади 4-й этап. Позади тем более и 3-й этап, так как писарской рукой писаны пространные риторические части, параллельные «Истории Выговской пустыни». Таким образом, если мы предполагаем участие Ивана Филиппова, то его нужно признать двухэтапным: 1) пространная риторическая редактура, 2) более мелкая завершающая правка, сделанная его рукой в рукописи № 999.

На л. 16 правка сделана с помощью закладки следующего текста: «И тако, приступль к настоятелю, объявляет мысль свою и просит благословения и молитв, воеже исполнитися желанию его. Той же, прошение исполняя, отпускает его с миром. Той же, егда бысть во обители олонецкого солнцу славного отца Александра». Текст от слов: «объявляет мысль» и до «Той же, егда бысть», заклеен. По заклеенному рукой Ивана Филиппова написано: «молит ево о приятии в монастырь. Онъй же настоятель, видя ево смирение, и распрашав ево. Оной же Кирил, все по себе исповедав, и прият бысть в монастырь и нача жити».

Ниже, на этом же листе, после слов: «Пребысть же в таковом устроении во обители оной» заклеен зачеркнутый текст: «седмь лет. О пришествии в дом родителей своих. Приде же ему в мысль посетити родителей своих, но да желания коя плоти своея исполнит». Вместо этого рукой Ивана Филиппова написано: «пяты лет во иноческом послушании, проходя вся монастырские [...] ческим прилежанием и послушанием, и разсмотря, и поминая труды и поты преподобнаго отца Александра».

На л. 17 об. рукой Ивана Филиппова во фразе «се бо уже шестнадесят лет круг течения своего врацает» написано слово «шестнадцать» по предварительно затертому слову.

²⁸ О «Малой книжице», содержащей автобиографию Епифания и бывшей в распоряжении выговского автора, мы можем сказать следующее. Помимо автобиографии Епифания, она содержала Житие Аввакума. (Автор говорит о «понуждении и благословении» Аввакумом Епифания написать житие. А это можно было заключить только в том случае, если в рукописи имелся текст Жития Аввакума, который, как известно, заканчивается обращением к Епифанию, поскольку в самой автобиографии Епифания старец «повелевший и благословивший» не назван по имени). В «книжице» была только первая часть автобиографии. На это указывает как выражение «написано отчасти житие сего», так и весь текст Жития, подробно использующий первую часть и совершенно не отразивший вторую. Кроме этого, «книжица» содержала автограф Епифания: «написано его рукою».

Все это делает возможным предположение о том, что рукописью, послужившей источником и для старообрядческого жития Епифания, мог быть Пустозерский сборник (см.: Робинсон. Жизнеописания, стр. 116—117). Однако правильнее будет сказать, что такую рукописью был сборник типа Пустозерского.

На л. 18 написаны по стертому последние две цифры в дате: «В лето 7148».

На л. 29 об. после слов: «Яко рабу господню не подобает сваритися, но кротку» — его же рукою по стертому тексту написано: «быти и милостиву ко всем, вся находящая терпети».

Текст на лл. 47—48 об. написан полностью рукою Ивана Филиппова. Далее его рукою написаны по затертому слова «марте месяце» в тексте: «престави же ся в лето мироздания осьмыя тысячи во 190 годо марте месяце» — и сделана вставка на поле: «Всего жития на Суне-реке 40 лет».

В Житии Епифания вся правка, сделанная рукою Ивана Филиппова, идет в основном по затертому тексту. На л. 77 об. в предложении: «Отрок же с великими слезами мочаше ноги настоятельския» — это слова «с великими»; последние два слова из фразы «видяше отрока жестокое житие»; на л. 78 об. слово «отрок» — «Но оний же отрок сие тяжкое себе вмения»; на л. 82 об. — «сея новости»; «не попусти сея новости на сынов твояе паствы»; на л. 85 после слов: «и зле душу свою испроверже и погибе» — дописано в строке рукою Ивана Филиппова: «яко же Арий проклятый». На л. 109 об. в тексте: «О кончине блаженного Епифания и прочих с ним страдальцев в Пустозерском городки, како скончались, аще и не везма укрепляюся о сем, но обаче полагаю в судьбы божия, понеже не от своемышления какво показях, но что слышах, то и написах zde», — слова «аще и не везма» и текст от слова «понеже» написаны по затертому, «но обаче» — вписано над строкой.

Что касается правки, сделанной почерком № 1, то она может принадлежать как первому автору, так и какому-то третьему редактору. И у нас нет достаточного материала для того, чтобы с уверенностью отклонить последнее. Поэтому мы должны сказать, что, возможно, над текстом работало не два, а три человека.

Теперь нам придется ненадолго оставить жития Кирилла и Епифания и рассмотреть на первый взгляд не связанную с ними главу из «Истории Выговской пустыни», с тем чтобы определить время возникновения Кирилло-Епифаниевского цикла²⁹ и еще раз подтвердить участие Ивана Филиппова в его создании.

В «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова есть глава, которая называется «Об отце Виталии Московском».

Впервые Виталий Московский появляется в Житии Корнилия Выговского Пахомиевой редакции. Пахомий, повествуя о скитаниях старца Корнилия по выговской земле, рассказывает о пришедшем в это время к Корнилию иноке Виталии.³⁰ Сообщаемый при этом объем сведений таков. Виталий, родом боярин, во время «смятения о вере» постригся в монахи, некоторое время жил у старца Кирилла на р. Суне, вел странническую аскетическую жизнь, «преходя с места на место»; однажды, скрываясь от «гонителей», он отморозил себе пальцы на ногах. Умер Виталий у Корнилия.

Трифон Петров, которому принадлежит 2-я редакция Жития Корнилия Выговского, созданная на основе Пахомиевой, несколько распространяет фрагмент о Виталии в угоду риторическому стилю, однако фактическая канва у него остается прежней, за исключением того, что совершенно не упоминается история с отмороженными пальцами.

В сравнении с этими фрагментами из 1-й и 2-й редакций глава «Об отце Виталии Московском» у Ивана Филиппова представляет особенную — 3-ю редакцию повествования о Виталии.

Текст здесь значительно распространен. Появляется множество новых фактов, неизвестных нам ни по 1-й, ни по 2-й редакциям. Сообщается о том, что прежде Виталий жил в пустынях на рр. Водле и Свири.

²⁹ Определение времени написания житий Епифания и Кирилла 1730—1731 годами, сделанное А. Н. Робинсоном (Робинсон. Жизнеописание, стр. 117), мы вынуждены признать недоразумением, основанным на ошибочном отношении датирующих сведений, содержащихся в Житии Корнилия Выговского, к Житию Кирилла.

³⁰ Житие Корнилия Выговского дошло до нас в большом количестве списков. Мы избираем здесь для цитирования сборник ИРЛИ, Древлехранилище, Карельское собр., № 38, лл. 130—131.

Но там «гонители христиан» и «буие люди» сожгли его келию и Виталий был вынужден перебраться в Машезерский монастырь и жить в пустых келиях, претерпевая брань с обитавшими там бесами. Из Машезерского монастыря Виталий несколько раз ходил на Суну-реку в Кириллову пустынь. К мирской биографии Виталия прибавляются сведения о морозной язве, от которой «изомроша» вся его семья и дворовые. В этой главе снова всплывает история с отмороженными пальцами, но уже преобразованная, обросшая множеством новых фактов и имен. Во время осады Палеостровского монастыря, когда воинская команда ехала с пушками под монастырь, старец Виталий, странствовавший в это время на ее пути, был предупрежден о наезде и, «убоявся», «забежал» в соломенный «омет», где пробыл 8 суток, и «ноги познобил даже до колен». ³¹ Наконец, старец был найден хозяином омета Исакием, который сообщил о нем в село Шую христороупцу Тимофею Трифонову. Тимофей Трифонов отвез Виталия в Кириллов монастырь. Из монастыря же Виталий был отправлен внуком Кирилла Иоанном в Выговскую пустынь к старцу Корнилию, где по некотором времени и скончался.

Обратим внимание на ту особенность, которая отделяет 1-ю и 2-ю редакции от 3-й. А именно на то место, которое отводится в них Кириллу.

В редакции Пахомия оно ограничивается одной, почти вскользь сказанной фразой: «Некогда аз, Пахомий, вопросих Корнилия про Виталия, — кто, и откуда, и от каких людей. И глагола Корнилий, яко Виталий — боярин был славных от Замоскворечья, великой служитель был у прежних царей. Имел же и раны на себе, и поединщик силен, и храброй воин. Оставил мир, утаився и пострижеса от правверующих в то самое время смятения о вере, прежде живя на Суны-реке, у отца старца Кирила, иже преставися на Выгу-реце, пожи же Данилова общежительства за четыре версты вниз по правой стране, в лесу, ту скончался, высоко живой безмолвно» ³² (разрядка моя, — Н. П.).

Роль, которая отводится Пахомием Кириллу в повествовании о Виталии, минимальна. Он только упоминается, да и то со слов Корнилия. Пахомию не было важно подчеркнуть эту линию, и говорит он о Кирилле в самый последний момент, в строках, завершающих повествование, между прочим. Трифон Петров полностью идет в этом за Пахомием.

Совсем иначе обстоит дело в 3-й редакции, т. е. в главе «О Виталии Московском» у Ивана Филиппова. Кирилл здесь рисуется как лицо, факт общения с которым (даже однократный) заслуживает внимания. Сообщается, что Виталий «ово хождаше через Шуйское село на Суну-реку в Кириллову пустынь, а при отце Кириле единожды был в монастыре его. И по исходе старца Кирила со оставшими старцы от Кирила беседоваше и спрашиваше про Кирила и про прочих пустынных отцев соловечких, како с ними ту живяше». ³³

После того как Виталий «познобил» поги, он был отвезен в Кириллов монастырь. В Выговскую пустынь его провожает внук Кирилла Иоанн.

Перед нами четко выраженная «кирилловская» линия повествования. Ее нет в Пахомиевой редакции. Ее нет и в редакции Трифона Петрова, где остается необходимость напоминать о том, кто такой Кирилл, называя место его погребения.

В главе же «О Виталии Московском» речь идет не только о Кирилле, но и о Кирилловой пустыни. И то, и другое фигурирует без каких бы то

³¹ История Выговской пустыни, стр. 119.

³² ИРЛИ, Древлехранилище, Карельское собр., № 38, л. 131.

³³ История Выговской пустыни, стр. 119.

ни было разъяснений (как, например, это делается несколькими строками выше по поводу Машезерского скита и его строителя). О Кирилле и его пустыни речь сразу же идет как о чем-то заведомо известном и авторитетном. Можно сказать, что в этой редакции Виталий одинаково освящается как авторитетом Корнилия, так и авторитетом Кирилла.

Теперь обратим внимание на то, каков смысл новых фактов, появляющихся в главе из «Истории Выговской пустыни». Это, как мы уже говорили, упоминание хождения Виталия в Кириллову пустынь и бесед там о Кирилле и «прочих отцах соловецких», упоминание внука Кирилла Иоанна и «христолюбца» из Шуйского села Тимофея Трифонова.

Весь этот комплекс сведений определенно тяготеет к Кирилло-Епифаниевскому житийному циклу.

Внук Кирилла Иоанн является действующим лицом Жития Кирилла, в котором ему посвящены две главы: «О приходе к старцу внука его Иоанна» и «О приходе паки к блаженному внука его Иоанна». В последней из них говорится о том, что после наставления деда Иоанн уходит вместе со своей семьей в Выговскую пустынь.

Что касается «христолюбца» Тимофея Трифонова, то он слишком часто фигурирует в Житии Епифания. В доме Тимофея Трифонова состоялись предречения Епифания двоим мирянам по поводу их кончины (праведной — одного и неправедной — другого). Тимофею Трифонову написал Епифаний крест в ките. Жене Тимофея Трифонова предрек Епифаний скорое рождение сына и подарил вырезанный собственными руками «воротовой» крест.

Но примечательно, что ни один из фактов, связанных Иваном Филипповым в главе о Виталии с именами Иоанна и «христолюбца» Тимофея Трифонова, не содержится сам по себе ни в Житии Кирилла, ни в Житии Епифания. А это значит, что в окончательном виде эти жития не могли быть источником, из которого автор главы о Виталии черпал сведения.

Но, с другой стороны, они несомненно тяготеют к тому комплексу сведений, из которого выросли жития Кирилла и Епифания.

Следовательно, остается только одно объяснение: автор главы о Виталии должен был быть одновременно человеком, знакомым с первоначальными записками к Кирилло-Епифаниевскому циклу, круг сведений которых был, очевидно, несколько шире использованных только в житиях фактов.

Таким образом, опять Иван Филиппов идентифицируется у нас с лицом, принимавшим участие в написании житий Кирилла и Епифания.

В какой-то мере мы теперь вправе говорить о цикле: Кирилл—Епифаний—Виталий.

Как в этой связи представляется время возникновения житийного цикла?

Существует очевидная связь текстов Жития Корнилия (редакция Трифона Петрова) и Жития Епифания.

Житие Корнилия 2-й редакции

И понеже каменная она келия, в ней же Корнилий живяше, зело мала бяше и двою человек жити не вмещаше, сего ради поставиша келию на Каткозере. И жительствоваше Корнилий с Епифанием вкупе два лета и больши в скудости всяцей зельнейшей, яко неколикое времени, осиновою кору изсушивше,

Житие Епифания

Но понеже каменная она келия, в ней же отец Корнилий живяше, зело мала бяше и двою человеку жити не вмещаше, и сего ради по совету отцы между собою поставиша келию на Каткозере. И жительствоваше Корнилий с Епифанием вкупе два лета в скудости всяцей зельнейшей, яко неколикое вре-

толчаху и тем в растворе ржаном месяше, хлебы испекши, ядаху. Таже глагола Епифаний: «Брате Корнилие, настoит время подвига по благочестию. И тцаливии венцы приемлют. Что и мы ленимся, время пропуцаем? Но станем добре и потщимся, дондеже мучители, яко кровоядвии зверие, ярятся». И совещавшеса, начаша поститися, просяще от бога извещение. И по чetyредесяти днех Епифанию извести бог на подвиг мучения вдатися. Корнилиий же извести, да пребудет в пустынях, подвизаяся, яко мнози хотят через онаго в познание истинны приити. Епифаний же, яко известися ему ити, мир дав и благословение взем у Корнилия, иде до царствующаго града Москвы и челобитную, юже пошаше, подаде.³⁴

мени, осиновою кору засушивше, толчаху и тем в растворе ржаном месяше, хлебы испекше, ядаху. Глагола Епифаний: «Брате Корнилие, настoит время подвига по благочестию, и тцаливии венцы приемлют. Что мы ленимся, время пропуцаем? Но станем добре и потщимся, дондеже мучители, яко кровоядвии зверие, ярятся». И совещавшеса между собою, начаша поститися и молити всемилостиваго бога, просяще от бога извещения. И по чetyредесяти днех Епифанию извести бог на подвиг мучения вдатися. Корнилию же извести бог, да пребудет в пустынях подвизаяся, яко мнози хотят, рече, через онаго в познание истинны приити. Епифаний же, яко известися ити, мир дав и благословение взем от Корнилия, и шед Епифаний назад в пустыню на Сузу-реку, и сказа свое хождение отцу Кирилу, и како со отцем Корнилием постися, и како им извещено от бога. Сие Кирил слыша от Епифания, и ажались о нем, нача его молити, да поживет у него в пустыни неколико время. Епифаний же нача жити и печаловашеса о сем, о хотящих потрясти всю Россию.³⁵

Один из этих текстов возник на основе другого. В этом убеждает текстуальное совпадение. Но есть одно различие, которое делает необратимой связь между двумя текстами. Это наличие Кирилла в одном (Житие Епифания) и отсутствие упоминания о нем в другом (Житие Корнилия). Можно было бы предположить двоякого рода зависимость: либо Житие Кирилла переписывает этот фрагмент из Жития Епифания, устраняя упоминание о Кирилле, либо Житие Епифания переписывает текст из Жития Корнилия, добавляя при этом сведения о Кирилле. Но первое было совершенно бессмысленно при той популярности и авторитете, которые получил Кирилл в выговской литературе. У поморского автора не было никаких оснований считать упоминание Кирилла недопустимым или нежелательным. Объяснить отсутствие Кирилла в Житии Корнилия Выговского можно только тем, что Житие Корнилия просто еще не знает Кирилла как авторитет, равновеликий Корнилию (об этом было сказано выше), потому что сложилось раньше создания Кирилло-Епифаниевского цикла.

Таким образом, остается единственный вариант зависимости двух житий: Житие Епифания использует созданное раньше него Житие Корнилия, добавляя в текст сведения о Кирилле.

Следовательно, Кирилло-Епифаниевский цикл возник после того, как была написана 2-я (Трифона Петрова) редакция Жития Корнилия.

Поскольку 2-я редакция Жития Корнилия была создана в 1731 г., то мы можем теперь дать нижнюю границу для времени возникновения Кирилло-Епифаниевского цикла — 1731 год. Границей, установленной палеографически, является 1733 год. Этим годом датируется бумага авторского сборника (см. сноску 21).

Что касается верхней границы, то она устанавливается следующим образом. В послесловиях обоих житий среди умерших «отцов» Выговской

³⁴ ГПБ, Q.I.1062, лл. 27—27 об.

³⁵ БАН, собр. Дружинина, № 999, л. 103—103 об.

пустыни называются Данила Викулич, Андрей Дионисиевич и Петр Прокопьев.³⁶ Семен Денисов, следовательно, предполагается живым. А поскольку год смерти Семена Денисова — 1741-й, то, значит, этот год и определяет верхнюю границу возникновения нашего цикла.

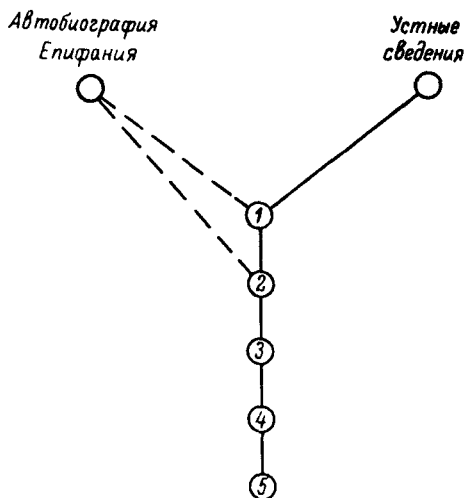
Около этого же времени, между 1731 и 1744 гг. (1744 — год смерти Ивана Филиппова), надо полагать, была написана глава «О Виталии Московском», вошедшая в «Историю Выговской пустыни».

* * *

Подведем итоги. В 30-е годы XVIII в. на Выгу создается ряд житий, продолжающих собой древнерусскую традицию.

Среди них жития Кирилла и Епифания образуют единый житийный цикл, на котором легко прослеживаются принципы коллективного творчества (по крайней мере двух авторов: автора черновых записок и редактора). Привлекая материалы 2-й редакции Жития Корнилия, возникшей из обработки написанной «простою речию» Пахомиевой редакции, мы можем назвать такой принцип методом выговской школы.

Оба жития, Кирилла и Епифания, имеют общих автора и редактора, попеременно работавших над текстом. Можно проследить 5 этапов их работы, которые легко выразить следующей схемой:

1 — первоначальные черновые записки; 2 — «Просторечное» житие; 3 — житие, риторически обработанное редактором (Иваном Филипповым); 4 — житие со 2-й редакцией начального автора; 5 — житие с последней правкой редактора (Ивана Филиппова) и почерка I.

Кирилло-Епифаниевский житийный цикл был создан между 1731 и 1741 гг. и знаменовал собой окончательное овладение житийным жанром в выго-лексинской литературной школе.

Очевидно, житийный цикл был сразу задуман и воспринимался как диптих. В биографиях обоих старцев есть момент, который образует как бы две симметричные точки в обоих житиях, — это совместная жизнь героев на Суне-реке. Епифаний воспринимался преемником Кирилла не только в борьбе его с бесами, но и в подвижничестве вообще. Не случайно, что, идя на проповедь в Москву, он заручается благословением Кирилла. Не случаен в этой связи и порядок расположения обоих житий в большей части сборников: сначала идет Житие Кирилла, затем — Епифания.

Оба жития посвящены одному типу подвижника: смиренного инока, живущего в пустыни, подвижничество которого заключается скорее

³⁶ Там же, лл. 63, 114.

в стремлении сохранить свою веру среди всеобщего «отступления», чем открыто бороться с этим «отступлением». Проповедничество Епифания в Москве, правда, выпадает из этой схемы. Но на первый план Житие выставляет не этот подвиг, а пустынное подвижничество старца. В этом оно, конечно, идет за автобиографией Епифания. Однако эта зависимость Жития от автобиографии многозначна: выговский агиограф потому и обращается к автобиографии Епифания (а не Аввакума, скажем), что она представляла именно тот тип смиренного подвижника, который был для него образцом.

Известен старообрядческий настенный лист с симметричным изображением Кирилла и Епифания.³⁷ Живописная традиция, соединявшая изображения двух иноков, могла как существовать параллельно литературной традиции, так и возникнуть из нее. В любом случае она подтверждает тот факт, что восприятие образов Кирилла и Епифания было двуединным.

Кирилло-Епифаниевский житийный цикл не повторил диптиха «Аввакум — Епифаний», воплотившегося в Пустозерском сборнике, где связь обеих частей была более непосредственна, «внешне обрамляясь как бы живой перекличкой двух писателей»,³⁸ где каждая из частей была как бы открыта, обращена в сторону другой. В выгорецком диптихе каждая из частей — самодовлеющее целое, завершенное в себе житие, вполне способное вести самостоятельное существование, не содержащее почти никаких следов присутствия второй части.

И дело здесь не столько в замысле автора, пожелавшего построить цикл на правах такой автономии, сколько в самом жанре, к которому он прикоснулся. Выговский агиограф просто-напросто не воспринимал автобиографию Епифания как житие и именно поэтому считал возможной и необходимой переработку. По его мнению, только под его пером, помещенная в традиционные рамки, обретшая традиционную форму автобиография Епифания получала черты настоящего жития. И поскольку цикл замыслился как житийный, то тем самым он уже изначала предполагал законченность и полноту формы для каждой части в отдельности.

На Выгу очень сильна была этикетность литературного мышления. В каноничности формы усматривался главный критерий литературного совершенства. Поэтому если здесь брались за создание жития, то считали необходимым построить его так, чтобы оно имело весь набор элементов, полагающихся этому жанру. В этом выговская школа полностью ориентировалась на древнерусские художественные традиции. Отсюда те текстуальные повторы в житиях Кирилла и Епифания, которые, возможно, могли бы отсутствовать в диптихе другого жанра, но не в житийном. Текстуальные повторы, кроме того, служили усилению той симметрии, которая устанавливалась симметрией форм обоих житий.

Не будет открытием, если мы скажем, что выговская школа не продолжила ни аввакумо-епифаниевского новаторства в отношении формы, ни их традиции просторечия. Не случайно именно автобиография Епифания была преобразована в житие. Она была несравненно ближе житийной схеме, чем Житие Аввакума. Епифаний «запечатлел в своем „житии“ не столько свою жизнь, сколько свою схематически типизированную личность».³⁹ Произведение же Аввакума было уже настолько далеко от житийного канона, что создавать на его основе традиционное житие было непосильной задачей.

³⁷ ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Каликина, № 92.

³⁸ Робинсон. Жизнеописания, стр. 58.

³⁹ Робинсон. Жизнеописания, стр. 85.